O 19/236

О 19/236

СМЕРТЬ КНЯЗЯ БОРИСА

Отд. II. № 612.

20393

O 19/236

ИМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ
и
ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.
Отд. II. № 612.

2007066751

О 19/236

РАЗСКАЗЪ

О

КІЕВСКОЙ СТАРИНѢ.

Ник. Елагина.

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С. С. С. Р.
ф.31-14504

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Конрада Вингебера.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1-го, ноября 1842 года.

Цензоръ *А. Крыловъ.*

РАЗСКАЗЪ

О

КІЕВСКОЙ СТАРИНѢ.

I.

Много протекло лѣтъ по смерти Великаго Князя Кіевскаго Владиміра Святославича; только не многіе изъ современниковъ его еще оставались на землѣ, какъ памятники прошедшаго, какъ хроники, разсказывающія о быломъ давно минувшемъ. Но время не истребило въ Кіевлянахъ любви къ Великому; воспоминаніе о красномъ солнышкѣ Владимірѣ Святославичѣ оставалось святынею завѣтною: имъ молодѣли, согбенные подъ бременемъ лѣтъ, старики; имъ восхищались пылкіе юноши.

На уступѣ Андреевской горы сидѣлъ старикъ, дядя Терентьичъ; тусклые глаза его обращены были въ низъ на разныя изображенія, которыя онъ чертилъ своею дубовою палкою на пескѣ; морщины, изрытыя на высокомъ челѣ и изсохшихъ щекахъ, во многихъ мѣстахъ были пересѣ-

чены глубокими рубцами; сѣдые его волосы, нѣсколько подстриженные съ переди, по бокамъ и съ зади касались плечь; по временамъ крупная слеза выкатывалась изъ потухавшихъ очей, и старикъ каждый разъ утиралъ ее рукавомъ бѣлой рубахи, высовывавшимся изъ подъ чернаго обьяриннаго кафтана, подпоясаннаго пестрымъ шелковымъ кушакомъ. Возлѣ него полукружіемъ сидѣли нѣсколько молодыхъ и довольно пожилыхъ людей въ праздничномъ нарядѣ.

«Богъ судилъ мнѣ, дѣтушки,» началъ старикъ «положить вотъ этими грѣшными руками почитай всѣхъ родныхъ и пріятелей въ непробудную постель — мать сыру землю. Скоро и мнѣ туда же дорога. Слушайте, дѣтки, рѣчи старика: уму-разуму васъ учить, на зло не наставляетъ; состарѣетесь и сами, будете сами учить дѣтей и внучать; разсказывайте все имъ въ жизни на пользу, душй назиданье; учите знать да бояться Бога, любить да уважать Князя; коли нужно, животъ положить за отчизну святую, за матушку Русь; а я разскажу вамъ, какъ Богъ посѣщалъ насъ бѣдами, да онъ же и помиловалъ — Отецъ нашъ небесный.

«Свѣтло взошло солнышко на другой день погребенія Великаго; но тяжкая скорбь лежала на сердцахъ. Площадь предъ Великокняжескимъ дворцомъ наполнялась народомъ; но тихъ былъ говоръ его. Съ поникшими головами безмолвно бродили Кіевляне въ ожиданіи появленія новаго Князя.

«Былъ я еще парнемъ невзрачнымъ, какъ отнялъ у насъ Владыка небесный Владиміра — солнышко наше; но помню, какъ теперь, тутъ сидѣлъ дѣдушка

Миничъ; въ кругъ него парни сидѣли, и такую вели съ ними рѣчь:

Онъ. Сокрылось наше красное солнышко, нашъ Государь Батюшка, нашъ отецъ кормилецъ Владиміръ Святославичъ; знать прогнѣвался на насъ Господь милосердый, раздражили мы Владыку небеснаго — окаянные; заслужили по своимъ грѣхамъ бѣду не минучую; тяжко на душѣ, родные; горько въ очахъ не доплаканныхъ, много вылилося изъ нихъ слезъ; еслибъ вытекли они до конца, не довелось бы мнѣ плакать надъ гробомъ нашего отца роднаго, краснаго солнышка, свѣтлаго мѣсяца, нашего сокола яснаго, орла поднебеснаго. Пришлось отдать Богу душу съ кручиною. Тяжкая приспѣла година, не быть благостынѣ въ Кіевѣ, найдутъ на Св. Русь черные годы; долго не видать ей красныхъ дней.

— «Не кручинься, дѣдушка,» говорилъ молодой дѣтина, Андрей Безкручинный — «и для Великаго Князя Господь назначаетъ вѣкъ; не прикупить же ему было чужей жизни, не изжить чужаго вѣка.

— «Не разумно ты баишь, Андрюха,» отвѣчалъ ему дѣдушка Миничъ, кивнувъ головою» не тебѣ учить меня, али поперечить мнѣ старику; не о томъ веду я слово, чтобы прикупать чужаго вѣку; и безъ того еще могло бы свѣтить святой Руси наше красное солнышко, не была еще пора слабѣть силамъ богатырскимъ, рано было тускнуть очамъ его яснымъ. Видимо прогнѣвался Господь на насъ, отвратилася милость Его за грѣхи наши и беззаконія. Пришла послѣдняя година, какъ читалъ въ церкви батька, попъ Иванъ. Восталъ на отца—сынъ; Ярославъ не сталъ платить дани своему Государю Батюшкѣ,

по наущенію сатанинскому, по навожденію вражьему. Горькая то была вѣсточка для его сердца отцовскаго; правду молвить, не порадовался врагъ междоусобію, не причинилъ намъ грѣховъ смертныхъ; но закатилося отъ насъ наше солнышко. Кому владѣть теперь землею Русскою, кто дастъ судъ и управу, накажетъ крамолу и буйство, кто поведетъ дружины противъ враговъ грозныхъ?

— «Вѣстимо кто, дядя, — отозвался дюжій парень съ русою, окладистой бородою, (теперь онъ клюки не выпускаетъ изъ рукъ) Козма Рукопашный — сегодня объявятъ Княземъ Святополка Владиміровича. Видишь, какъ суетится дружина на площади, ставятъ столы и лавки, выносятъ шубы и шапки соболёвыя, кумачь и ширинки узорчатыя, шелкъ и бархатъ разноцвѣтные. Онъ милуетъ насъ, ему и сидѣть на отчемъ столѣ (*), ему и володѣть нами, и судить землѣ Русской.

— «Не судить ему, Парфеньтичъ, — сказалъ дѣдушка Миничъ — какъ судилъ нашъ батюшка Владиміръ Святославичъ. Быть страшному погрому на землѣ Русской. Наши грѣхи возопили на небо; не умѣли мы жить по заповѣдямъ Господнимъ. Бывало, какъ ударятъ въ колоколъ ко всеночной, али къ обѣдни, народъ спѣшитъ во храмъ Божій, что пчелки въ улей; бывало чуть опоздаешь, такъ и молись за дверьми, народу биткомъ набито; а теперь, что пришло за время? въ церкви стоятъ почитай только старики, парня увидишь гдѣ-не-гдѣ, а ребятишекъ матери не многія носятъ къ благодати Божіей. Намедни Тимошка Нефедьевъ — лѣтъ двадцать тому назадъ отправился онъ за море, искать счастья, да назадъ

(*) Престолъ въ лѣтописяхъ называется *столомъ*.

не вернулся — какъ бишь я сказалъ? да, намедни, говорилъ дѣдушка Миничъ, Тимошка Нефедьевъ молится не молится, спитъ не спитъ; нѣтъ, чтобъ не сводить очей съ лика угодниковъ Божіихъ, а поглядываетъ на свою заморскую тросточку. Этакая страсть, срамъ да и только, кабы не во храмѣ Божіемъ, тарахнулъ бы его тарахнулъ, коли не выучился у отца роднаго уму разуму.

— «Глянь-ка, дѣдушка» — перебилъ его молодой дѣтина съ русыми кудрями, Алексѣй стрѣла, давно ужъ покойникъ — вонъ-она какую несутъ шубу лисью; эхъ кабы ее тебѣ пожаловалъ Князь!

— «Ахти мечь кладенецъ», взговорилъ широкоплечій парень съ жилистыми руками, Ростиславъ Рубанистый, мой братъ двоюродный —» вотъ если бъ онъ попался мнѣ; то-то бы потѣшилась душа надъ врагами земли Русской, злыми бусурманами!

— «Потише, по тише, Ростиславушка,» продолжалъ дѣдушка, — «вишь у тебя разгорѣлися очи на мечь-кладенецъ, забилось ретивое; — о томъ ли теперь думать? въ могилѣ нашъ отецъ родной, одолѣла сердце тоска-кручина; увидите, дѣтушки, что не въ радость теперь и шуба лисья, и булатный мечь-кладенецъ. Не быть благословенію на землѣ нашей, не видать вамъ радости, мои родимые. Куды милостивъ Святополкъ Владиміровичъ, подумаешь, глядя на эти кучи товаровъ заморскихъ! а все то улещаетъ народъ, чтобъ стояли горой за него, когда возстанутъ на него братья.

— «Ну за чемъ таки, дѣдушка, — взговорили ребята, — воставать братьямъ? али имъ любо проливать кровь

Русскую, засѣвать костьми своихъ дружинъ поля Кіевскія?

— Эхъ, дѣтушки, дѣтушки — продолжалъ Миничъ — не даромъ читается въ церкви: не можетъ древо зло плоды добры творити. Вѣдь, между нами будь сказано, кто такой Святополкъ?

Дѣдушка осмотрѣлся кругомъ: «вы знаете, сору не выносятъ изъ избы. Святославъ, ходивши на Царьградъ, привелъ съ собою молодую Грекиню. Сердечная ужь какъ она убивалась; бывало, какъ посмотришь на горемычную, когда обливается горючими слезами, такая возьметъ туга, что радъ бы сквозь землю провалиться. Рахдай удалой— вы знаете— былъ мнѣ съ руки; эхъ, что это былъ за человѣкъ! бывало, какъ надѣнетъ броню ратную, сядетъ на коня воронаго, свиснетъ молодецкимъ посвистомъ, гаркнетъ богатырскимъ покрикомъ, махнетъ коня по крутымъ бедрамъ, наскачетъ на силу вражію, копьемъ вертетъ, копьемъ махнетъ, — трехъ сотъ Печенѣговъ, какъ небывало (*); сядетъ ли бывало за чару круговую, выпьетъ ли зелена вина, распотѣшится ли на солодкомъ меду, — такъ помежъ пріятелей его, кажись, въ ухо вложишь, вотъ тебѣ душа на ладонькѣ. Онъ то мнѣ и сказалъ, что та Грекиня въ своей землѣ была черницею. Ну вѣстимо, у насъ еще тогда былъ въ чести Перунъ, такъ что Князю было за дѣло до того, что она въ Грецкой землѣ была черницею? Князь возьми, да и отдай ее Ярополку. Правду молвить, куды была хороша! Ужъ подлинно объ ней нужно сказать: на небѣ солнце и въ теремѣ солнце, на небѣ мѣ-

(*) Русск. Лѣт. по Никонов: списку стр: III.

сяцъ и въ теремѣ мѣсяцъ, на небѣ звѣзды и въ теремѣ звѣзды и вся красота поднебесная: бровп—что твои тучи черныя, очи—что небо ясное; рѣсницы словно длинное крыльшко ласточки; шея—что пухъ лебяжій. Вотъ и сдѣлалась Грецкая черница женою. Хоть она была и Княжескаго сына женою, да все таки не чисто дѣло. Ужь коли она обрекла себя Господу Богу Жениху небесному, такъ не касайся ея ни одинъ смертный. Ну да не наше дѣло объ этомъ судить рядить» — примолвилъ старикъ.

«Когда Варяги убили Ярополка въ хоромахъ Владимира, такъ онъ и взялъ ее къ себѣ; — тогда еще мы не знали Бога Христіанскаго, такъ жилось иначе,—отъ этой то Грекини родился Святополкъ (*).

— «Съ нами сила крестная!» набожно произнесъ тутъ Митька-Дейнека — заступница Матерь Божія, избави насъ отъ такихъ грѣховъ!

— «Такъ гдѣ жъ быть, дѣтушки, добру? — продолжалъ Миничь, — хоть поздно, а покаретъ насъ Господь Святополкомъ. Теперь онъ, что воронъ зловѣщій, словно чутьемъ почуялъ копчину отца нашего, такъ и прилетѣлъ— близкій свѣтъ — изъ Турова въ Кіевъ.

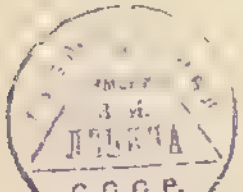
«Я знаю, я былъ тамъ...

— «Какъ тебѣ, дѣдушка, не быть!— подхватилъ братъ Ростиславъ.

— «И я былъ въ Туровѣ»—сказалъ Козма Рукопашный. — Богъ съ нимъ, онъ съ молоду былъ на языкъ не воздержанъ.

— «Ну, не хвались, Парфентьичь, — перебилъ дѣдуш-

(*) Лѣтописецъ 6560 до 7106. года стр: 24.



ка Миничъ, — примѣрно будучи сказать, ты хоть и былъ въ Туровѣ, да не бывалъ тамъ, гдѣ я; ради чего и непригоже тебѣ перебивать меня. На чемъ бишь я остановился? да, я былъ въ Туровѣ — какая подумаешь даль! такъ нѣтъ, вспѣнилъ Припеть и Днѣпръ, и прилетѣлъ въ Кіевъ, что дюжъ; тутъ его и недоставало.

— «Да что мы беремъ на душу грѣхъ? изъ за чего принимаемъ его Княземъ, не ужь то онъ думаетъ купить насъ шубами, да шапками?

— «Оно такъ, Ростиславушка,— молвилъ старикъ,— да вишь ты, теперь поперечить нечего, когда не за кого взяться. Вотъ еслибъ былъ въ Кіевѣ князь Борисъ, звѣзда наша, такъ не княжить бы надъ нами Святополку. Посмотришь на Бориса, душа не нарадуется: добрый, тихій, правдивый и дѣло ратное знаетъ. Окаянные эти Печенѣги! кабы не они, такъ бы мы погребли Владиміра, да къ Борису всѣмъ міромъ съ поклономъ: Батюшка нашъ, Князь Борисъ Владиміровичъ, володѣй нами, княжи въ Кіевѣ, будь намъ на мѣсто твоего Батюшки Владиміра Святославича! А теперь, какъ нѣтъ его, подумаешь - подумаешь, что дѣлать, нужно признать Княземъ того, кто выѣдетъ съ дружиной.

— «И въ прямъ ужь онъ выѣзжаетъ съ дружиной» молвилъ, поднимаясь, Парфентьичъ.

— «Гдѣ, гдѣ?» закричало нѣсколько голосовъ. Кажется и я тутъ не хуже другихъ погорланилъ, и всѣ мы вскочили съ мѣста; видимъ, дружина валитъ за Княземъ, а кони - то кони, словно бѣлоярой пшеницей кормлены, да сытою поены.»

— «Пойдемъ, чтоль,» вопрошалъ Рукопашный.

— «Не радилъ бы я вамъ ходить, дѣтушки,— сказалъ дѣдушка намъ,— шапка, что ль понадобилась тебѣ Парфентьичъ? возми пожалуй мою; соболёвой не пожалѣю; но не принимай даровъ отъ Святополка; куда ты съ ними дѣнешься, какъ придутъ наши съ Княземъ Борисомъ?

— «Да мнѣ тамъ и не достанется, дѣдушка,— отвѣчалъ съ усмѣшкой Парфентьичъ,— достало бы и тому, кто почище меня. А такъ позѣвать, нешто. Пойдемъ чтоль, ребята?

— «Пойдемъ, такъ пойдемъ» говорили мы.

— «Ну если, ужь вамъ загорѣлось непремѣнно идти на площадь», — сказалъ старикъ, — «то чуръ даровъ отъ Святополка не брать.

— «А если брать, такъ чурь не радоваться,» — отвѣчалъ Парфентьичъ. «Ну еслибъ, въ самомъ дѣлѣ, Князь пожаловалъ даръ кому изъ насъ, не сказать же: не хочу, не возьму; того и гляди, что потянутъ по спинѣ. Эхъ ужъ этотъ мнѣ Путша! его тутъ куды нужно; сидѣлъ бы въ своемъ Вышгородѣ, а то еще ломается, чуть не въ ровень сталъ съ Княземъ.

— «Тутъ Путша? — спрашивалъ дѣдушка, поднимаясь на ноги; «ну, ребята, не быть же добру: онъ наставитъ Князя на все недоброе. Это человѣкъ—не почуй душа дома. Ему только бы быть въ чести, чтобъ ему шапки снимали, а то у него чего хочешь, того просишь.»

Мы побѣжали на площадь; видимъ, Святополкъ гордо сидитъ на добромъ аргамакѣ, и приказываетъ раздавать дары; кругомъ дружина, а народъ словно убитый; не то, чтобъ радоваться новому Князю, а чуть не пла-

честь. Вотъ то-то, дѣтушки, старость; кажись не много поболталъ я, а въ груди заложило, мочи не стало. Надо вздохнуть старику, духъ перевесть; да вотъ и къ вечерни звонятъ, пойдемъ же, помолимся Господу Богу, а тамъ воспомянемъ и былое, и разсказъ пойдетъ своимъ чередомъ.»

II.

Я доскажу, что̀ пропустилъ старикъ, дядя Терентьичъ, на зарѣ юныхъ дней захватившій время Владиміра, и любившій передавать новому поколѣнію память объ немъ.

Время совершенно преобразило Кіевъ. Нѣкогда Днѣпръ протекалъ у подножія Андреевскихъ горъ, и занималъ большую часть мѣста извѣстнаго подъ именемъ *Оболони.* Дорога къ Вышгороду лежала въ срединѣ дремучаго лѣса, который качался на вершинахъ горъ, идущихъ отъ Щековицы до монастыря Кириловскаго.

Въ сумерки, по тропинкѣ, четыре всадника пробирались къ городу, и почти на каждомъ шагу робко оглядывались — казалось, ихъ страшилъ топотъ ихъ коней и малѣйшій шорохъ листьевъ.

— «Эхъ проклятая трущоба! — сказалъ одинъ изъ нихъ съ нахмуреннымъ челомъ — скоро ли доберешься до мѣста!

— «А тебѣ бы, Еловичъ, сидя за печкой да пересчитывая свои гривны и куны, быть въ чести у Князя.

— «Болтай себѣ, Талецъ, на здоровье, — сказалъ съ досадою Еловичъ,— пересчитывая гривны да куны! откуда мнѣ ихъ взять?

— «На десятый мѣшокъ?» спросилъ насмѣшливо третій съ одутыми щеками, — «набивай хоть двадцатый. Ляшко знать не хочетъ про такіе пустяки. Порубить, порѣзать, попить, погулять — вотъ наше дѣло молодецкое.

— «Тише, тише, бояре,» отозвался ѣхавшій въ передѣ Путша, «слышите ли, что то шарахнулось въ лѣсу. Чу!... еще...

— «Ахъ, куда бы укрыться» — робко сказалъ Еловичъ — возьмите, ради Бога, моего коня, а я побѣгу, гдѣ нибудь спрячусь.

— «Тише, ради Бога тише,» произнесъ умоляющимъ голосомъ Путша.

— «Ляшко, ради Бога, возьми моего коня,» продолжалъ Еловичъ, дрожа отъ страха.

— «Вотъ славно, возьми его коня, а онъ спрячется за колоду? Что же вызвался итти съ нами? — продолжалъ суровый всадникъ, боярин Талецъ.

— «Да развѣ я зналъ, что тутъ насъ оступятъ вѣдьмы, да лѣшіе?

— «Ужъ подлинно у страха глаза велики,» — сказалъ краснощекій Ляшко, — глядь ка, боярин, въ верхъ, что это надъ нами небо или овчинка? трусъ ты, трусъ, Еловичъ. Да хоть тутъ будь тысяча лѣшихъ и тысяча вѣдьмъ, я себѣ ѣду, да и въ усъ не дую.

— «Какъ хотите, а я дальше не поѣду.

— «Какъ хочешь, Еловичъ,» рѣшительно сказалъ Путша, обращаясь къ нему,—теперь ужъ не пора ворочаться.

— «Пусть его, Путша, прячется за колоду» промол-

вилъ Ляшко,—тамъ его скорѣе подцѣпитъ лѣшій или русалка.

— «Тьфу пропасть, векша надѣлала тревоги — сказалъ Путша.

Въ самомъ дѣлѣ векша предъ ними прыгала съ дерева на дерево.

— «Теперь, возвращайся пожалуй, Еловичъ» со смѣхомъ сказалъ неугомонный Ляшко.

— «Куда возвращайся?» съ гордымъ видомъ отвѣчалъ Еловичъ, оправившійся отъ испуга при видѣ векши,—«не на таковскаго, братъ, напалъ. Еловичъ шутить-то шутитъ, а придется до чего, такъ не побоится и десятка вѣдьмъ и лѣшихъ.

— «И въ прямъ, бояре» сказалъ Ляшко, — «какъ обойдетъ насъ лѣшій, да окружатъ вѣдьмы, такъ Еловича пустимъ въ передъ, онъ насъ всѣхъ оборонитъ. Смотрика, смотри, оборотень.

— «Гдѣ, гдѣ? — дрожащимъ голосомъ спрашивалъ Еловичъ.

— «Чего ты, бояринъ, дрожишь?» Да ты сталъ бѣлъ, какъ полотно.

— «Э, да ты, братъ, на седлѣ не усидишь, и ноги въ стремснахъ не держатся» — сказалъ Талецъ.

Въ самомъ дѣлѣ Еловичъ былъ ни живъ ни мертвъ, и, потерявъ равновѣсіе, упалъ бы съ лошади, еслибъ не подоспѣлъ къ нему Путша. «Что жъ ты бояринъ?» съ досадою спросилъ онъ труса.

— «Вдѣвай ногу по дальше въ стремя, не то выскочитъ душа изъ пятки,» сказалъ неотвязчивый Ляшко.

— «Ну ужъ послалъ Богъ за грѣхи товарища!» — сказалъ Талецъ, — да Боже сохрани, еслибъ такъ кто отличился подъ моимъ стягомъ...

— «Вотъ тутъ,» перебилъ его Путша, — «привяжите коней и ждите меня.

— «Ждать не мудрено, да какъ-то отдѣлаться отъ русалокъ; того и смотри, что которая изъ за куста подцѣпитъ Еловича» — примолвилъ Ляшко.

— «Тебѣ хорошо толковать» началъ Еловичъ — «Ты ѣдешь въ серединѣ, съ переди Путша, а съ зади Ляшко, такъ тебѣ ничего. А я глядь назадъ, анъ за мною вѣдьма въ присядку, а хвостище, хвостище, какъ помѣло...

— «Ахъ, Батюшки свѣты, страсти какія!...

— «Я какъ погрожу на нее кулакомъ...

— «Ужъ таки и погрозился, довольно, что испугался,— сказалъ, разсмѣявшись, Талецъ.

— «Чего пугаться? нѣтъ погрозился, право погрозился.

— «Погрозиться не погрозился, а хотѣлъ погрозиться» — продолжалъ Талецъ.

— «Да говорю жъ вамъ, погрозился кулакомъ...

— «Что вы не вѣрите, бояре?» подхватилъ Ляшко — «я самъ видѣлъ, какъ Еловичъ стиснулъ кулакъ погрозиться на вѣдьму, а она какъ погрозится на него хвостомъ, какъ щелкнетъ зубами...

— «Да, да,» продолжалъ ободренный Еловичъ — «какъ щелкнетъ зубами.»

— Какъ засверкаетъ очами...

— «Какъ засверкаетъ очами, видитъ Богъ, какъ засверкаетъ...

— «Какъ посыплются изъ очей ея искры...

— «Да, да, вотъ Ляшко не дастъ соврать, какъ посыплются изъ очей ея искры.

— «Какъ махнетъ тебя въ спину хвостомъ...»

— «Да, бояринъ, какъ махнетъ меня въ спину хвостомъ.

— «Какъ зашатаешься ты на сѣдлѣ, какъ побѣлѣешь со страху, словно полотно.

— «Вотъ этаго такъ не бывало — отвѣчалъ, обидясь, Еловичъ — я не одну вѣдьму видалъ да не боялся...

— «А! сказалъ Талецъ съ видомъ простодушія. — Ну Богъ тебѣ далъ смѣлость, а я бы отъ вѣдьмы такъ струхнулъ, какъ ты теперь отъ векши.

— «Что? я струхнулъ? да я отъ роду не трусилъ — заключилъ Еловичъ, и пересталъ говорить.

Между тѣмъ Путша приблизился къ концу лѣса, своротилъ съ тропинки, втерся въ кусты, привязалъ коня и развязалъ узелокъ. Въ немъ былъ полный нарядъ нищаго съ полуизорванными лоскутьями и запачканою котомкой.

Перерядившись, Путша вырѣзалъ палку и вышелъ на дорогу, прихрамывая на лѣвую ногу.

Когда подѣльный колѣка подошелъ къ городу, на

высотѣ показался человѣкъ, и, приблизившись къ нему на небольшое разстояніе, кашлянулъ три раза. Колѣка отвѣчалъ троекратнымъ ударомъ въ ладоши, — и кашлявшій исчезъ; а колѣка, споткнувшись, упалъ и почти не шевелился.

Чрезъ нѣсколько минутъ съ нимъ поравнялся человѣкъ крѣпко сложенный, высокорослый, широкоплечій, закутанный въ охабень. Троекратный кашель невѣдомаго пробудилъ колѣку; онъ приподнялся, обвелъ вокругъ себя очами, и всталъ. Невѣдомый ускорялъ шаги свои по мѣрѣ того, какъ приближался къ лѣсу. Колѣка, не смотря на хромую ногу свою, не отставалъ отъ него. Наконецъ они вошли въ лѣсъ, и пришій почти до земли поклонился. «Здравія и благоденствія, Князь Святополкъ Владиміровичъ!» сказалъ онъ: »Путша готовъ положить за тебя свою голову.«

— «Спасибо, довѣренный боярине, вѣрный слуга. Что?»

— Слажено. Я привелъ трехъ. Они здѣсь.

— «А кто они?»

— Талецъ, Еловичъ и Ляшко.

— «И народъ надежный?»

— Можно положиться, Князь. Тальцу кровь не повинна, Ляшко также отрѣжетъ голову, какъ осушитъ сидову съ брагой. Еловичъ скряга и трусъ.

— «За чѣмъ же позвалъ его?» сурово спросилъ Святополкъ.

— «Нельзя было не позвать. Онъ встрѣтилъ меня переодѣтаго; догадавшись, что дѣло идетъ объ услугѣ твоей

милости, не отступно просилъ дать ему случай выбраться изъ опалы.

— «А за что онъ подъ опалой?»

— «Сказываютъ, что онъ не чистъ на руку, водился съ Печенѣгами, пересылался съ ними; такъ твой батюшка — вѣчный ему покой, Царство небесное, яко же речено: память праведнаго съ похвалами — хотѣлъ его.....

— «Ну прахъ его возьми, только бы онъ не выболталъ.

— Что ты, Князь, развѣ ему надоѣла голова на плечахъ?

Путша привелъ Святополка къ своимъ товарищамъ.

— «Здравствуйте, бояре вѣрные!» привѣтствовалъ Святополкъ.

— «Бьемъ твоей Княженецкой милости челомъ о сыру землю,» отвѣчалъ Талецъ, и всѣ четыре низко поклонились.

— «Не дивитесь, бояре,— началъ Святополкъ, — что я, законный Великій Князь Кіевскій, вижуся съ вами тутъ и въ такую пору.

— «Твоя воля видѣть насъ, гдѣ повелишь,» сказалъ Талецъ съ низкимъ поклономъ.

— «Счастіе моего народа мнѣ дорого, объ немъ я забочусь болѣе моей жизни....

— «Ты наша надёжа» подхватилъ Путша.

— «Много мнѣ надо сдѣлать для вашего добра. Богъ видитъ мое сердце, народъ почувствуетъ мои благодѣянія,

когда станетъ блаженствовать среди счастія и изобилія; но хочу напередъ знать, пріяте ли меня всѣмъ сердцемъ?

— «Можемъ головы свои положить за тебя,» отвѣчали всѣ вмѣстѣ, и поклонились почти до самой земли.

— «Поклянитеся, что все сдѣласте что ни повелю вамъ, и ни кому не скажете.

ПУТИА.

— «Пустъ я счернѣю, какъ земля, пусть не будетъ мнѣ добра ни въ сей вѣкъ ни въ будущій, если не готовъ положить голову за Князя Святополка Владиміровича.

Такъ клялись и другіе.

— «Благодарствую вамъ, мои вѣрные бояре, мои други,» сказалъ Святополкъ. «Теперь слушайте: мой братъ Борисъ, узнавши о смерти отца, не пошелъ въ Кіевъ, но остановился на Альтѣ. Вѣрно подговариваетъ свою дружину востать противъ меня — законнаго своего Князя. Теперь съ нимъ восемь тысячь ратныхъ людей. Если подступятъ къ Кіеву, кого мы выставимъ противъ нихъ? налетите орломъ, подползите змією — и, кажется, у васъ есть копья? понимаете?»

— «Какъ не понять, Князь, твоихъ милостивыхъ наставленій?» сказалъ Талецъ.

— «Разумѣемъ твои отеческія наказанія,» подхватилъ Ляшко.

— «Твоя Княженецкая милость не забудетъ своихъ вѣрныхъ слугъ» — прошипѣлъ Еловичъ.

— «Князь не удалитъ отъ ясныхъ очей своихъ человѣка готоваго за него умереть,» съ земнымъ поклономъ сказалъ Путша.

— «Люблю миловать того, кто служитъ мнѣ правдой и вѣрой,» отвѣчалъ Святополкъ,» чего хочешь, Путша?

— «Хочу служить тебѣ, какъ родному отцу, сберегать тебя, яко зѣницу ока, смотрѣть за тобою днемъ, отрекаюсь отъ сна ночью...

— «И будетъ по твоему желанію. Чего просишь, Талецъ?

— «Дрожу за тебя, Князь:— Александръ Поповичъ и Янъ Усмошвецъ не забудутъ ласкъ Бориса; измѣнники будутъ окружать твой Великокняжескій престолъ, будутъ скрывать правду.....

— «Талецъ будетъ начальникомъ мечниковъ, на равнѣ съ Волчьимъ хвостомъ. Какую милость хочешь, Боярынъ Еловичъ?

— Бѣдность одолѣла, Князь. У меня хоромы хуже смерда.

— «Для вѣрнаго боярина будетъ новый теремъ въ Вышгородѣ; въ моей казнѣ есть шелкъ и бархатъ, есть лисьи шубы и шапки соболёвыя. Проси чего хочешь, Ляшко!

— «Прошу тебя, законный нашъ Князь, радѣть о своей казнѣ. Вышата завѣдываетъ Великокняжескими подвалами, какъ своимъ добромъ.....

— «Ляшко будетъ нашимъ ключникомъ. Радѣйте только о моемъ добрѣ, и все будетъ по желанію вашему.

— «Отецъ, не Князь!» воскликнули четыре предателя, и упали къ ногамъ Святополка.

III.

На берегу Альты, не далеко отъ того мѣста, гдѣ она сливается съ Трубежемъ, раскинутъ станъ восьми-тысячнаго ополченія Кіевлянъ, возвращавшихся съ преслѣдованія Печенѣговъ.

Въ предразсвѣтномъ туманѣ погребены шатры; утренній вѣтерокъ навѣваетъ сладкіе сны утомленнымъ воинамъ. Гдѣ-гдѣ раздается ржаніе коней; гдѣ-гдѣ теплится огонёкъ.

Мирно спитъ среди и послѣ браннаго шума воинъ, пренебрегающій жизнію, готовый на смерть. Часто прерывается сонъ вождя; ежевою подушкой мучитъ его голову дума.

— «Спишь ли, Яшъ?» спросилъ воевода у своего товарища, лежавшаго рядомъ съ нимъ въ шатрѣ.

— «Не до сна мнѣ, Александръ. Мурашки ходятъ по сердцу; кровь стынетъ въ жилахъ. Опомниться не могу отъ вчерашней вѣсти. Ты знаешь, боялся ли я смерти, жалѣлъ ли своей головы въ кровавой свалкѣ. Но слезы залили очи, сердце потонуло въ кипучей крови, когда сказали, что скончался нашъ отецъ родной.

— «Да будетъ, Яшъ, воля Божія. Грѣхъ роптать на

Небо. Мы были взысканы милостію Владиміра; служили ему вѣрой и правдой, не жалѣли своихъ головъ; первые бросалися на враговъ, послѣдніе выходили съ бою. Теперь череда служить его сыну. Плачемъ не вызовемъ мертваго изъ могилы; но почтимъ его память, заплатимъ сыну за милости отца, станемъ у его стола, поклянемся положить за него свой животъ. Проклятіе неба и людей тому, кто будетъ кривить душею. Добръ и разуменъ Князь; но юность нуждается въ подпорѣ: кому же какъ не намъ служить ему?

— «Никогда не забуду, какъ Борисъ залился слезами, когда услышалъ роковую вѣсть.

— «Я знаю, что добрый Борисъ не захочетъ Княжескаго стола, на которомъ уже сѣлъ Святополкъ; ни одной капли крови не захочетъ пролить за Княжество...

— «Но развѣ ты думаешь, что Кіевляне предпочтутъ Святополка Борису?

— «Кому любъ этотъ гордый сынъ Ярополка, усыновленный добротою Владиміра? но онъ уже княжитъ въ Кіевѣ. *Столъ* Бориса утвердится развѣ надъ могилою Святополка.

— «Но Кіевляне отворятъ намъ ворота безъ бою, ударятъ челомъ любимому сыну Владиміра; онъ не захочетъ смерти брата.....

— «Но змѣя будетъ жалить пока жива. Какъ злый воронъ, онъ накличетъ на насъ бѣду; уйдетъ къ Ляхамъ, подниметъ своего тестя Болеслава, какъ коршуны налетятъ на нашу родину; какъ голодные волки, будутъ рыскать по святой Руси; огнь и мечь пролетятъ по нашей землѣ,

и думаешь ли, что эти бусурмане пощадятъ невинность нашихъ женъ и сестеръ, думаешь ли что побоятся гнѣва Божія...

— «Не въ укоръ тебѣ, не въ похвальбу себѣ скажу, я не хуже твоего знаю Ляховскую спѣсь; но намъ ли бояться враговъ? Не разъ и не два указывали мы незваннымъ гостямъ дорогу изъ Руси, на всѣ четыре стороны, концемъ остраго копья; ихною кровію охмѣляли ихъ, стлали имъ непробудную постель на поляхъ бранныхъ. Не въ первые намъ встрѣчать вражью рать, не въ новину рубиться съ недругомъ. А если Господу Богу и святой Его волѣ угодно наказать насъ за наши грѣхи, то бѣды коемъ не объѣдешь, не укроешься въ лѣсахъ Муромскихъ али Древлянскихъ, не уцѣлѣешь на краю свѣта.

— «Такъ-чему быть, тому не миновать. Сегодня же умолимъ Бориса идти къ Кіеву, и да будетъ воля Божія!..

— «Но если добрый Князь не захочетъ вести рать къ Кіеву, начинать свое княженіе обнаженіемъ меча на вѣрныхъ подданныхъ своего отца; что тогда дѣлать намъ и нашей рати?

— «Мы умолимъ....

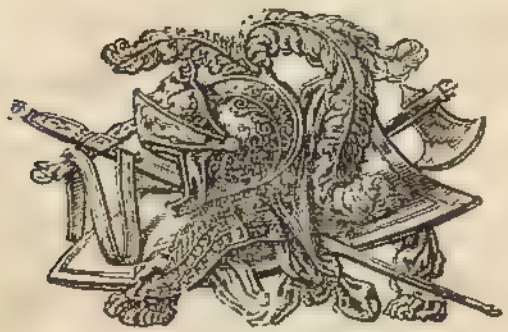
— «Умолимъ! но развѣ ты не знаешь Бориса? Не знаешь незлобивой души его. Ужъ подлинно трости сокрушенной не преломитъ, и льна курящагося не угаситъ.

— «Станемъ предъ нимъ на колѣни, разцѣлуемъ его ноги, именемъ Кіевлянъ, именемъ Святой Руси заклянемъ его идти на отчій *столъ;* не для своей чести, а для нашего блага онъ согласится на наше моленіе — и народъ преклонится, народъ падетъ предъ нимъ, и благо-

дать Господня осѣнитъ Княжество Кіевское, слезы перестанутъ литься о Владимірѣ. Его замѣнитъ сынъ любимый, благословляемый.

— «Господь да внемлетъ мольбамъ нашимъ, да настроитъ сердце Бориса на благо подданнымъ! Но ежели.....

— «Если онъ отступится отъ насъ, тогда приложимъ ума-разума. Но пока, не надо отчаяваться въ милости Господней. Отчаяніе, воевода, смертный грѣхъ.



IV.

Съ восходомъ солнца встрепенулся лагерь; но не слышно въ немъ обычной разгульной веселости Русскихъ воиновъ; уныло кладутъ на себѣ знаменіе креста, полуслезныя возводятъ очи на небо.

Старшины и воеводы ведутъ между собою бесѣду; нѣсколько изъ нихъ отправляются къ шатру Князя.

Съ мутнымъ взоромъ стоитъ у входа прекрасный, величавый юноша. «Добро пожаловать,» сказалъ онъ приблизившимся воеводамъ.

— «Что, Георгій, каково Князю?» — спросилъ молодый воевода, отличавшійся величественнымъ ростомъ и быстрымъ взглядомъ.

— «Худо—отвѣчалъ юноша, покачивая головою—всю ночь очей не смежалъ, плачетъ да молится.»

— «Да утѣшитъ его Господь!....

— «Да осѣнитъ его сила небесная!...

— «А не велѣлъ ли позвать насъ?

— «Два раза уже спрашивалъ.

Въ слѣдъ за юношею вошли воеводы и поклонились

Князю. Въ очахъ еще видѣлась слеза, но тихъ и спокоенъ былъ видъ его.

«Отъ всей рати пришли мы ударить челомъ тебѣ, Князь Борисъ Владиміровичъ» — началъ Александръ Поповичъ, — «весь Кіевъ въ слезахъ, всѣ ждутъ тебя, ... иди на *столъ* отчій, и утѣшь насъ въ тяжкомъ горѣ....

— «Чего хотите вы, добрые воеводы? На Кіевскомъ *столѣ* мой старшій братъ Святополкъ. Онъ будетъ мнѣ отъ нынѣ вмѣсто отца; ему буду служить, о его пользѣ радѣть, какъ служилъ я отцу моему.» Слезы полилися изъ очей Бориса.

— «Не его хотимъ; тебѣ бьемъ челомъ отъ всего Кіева .....

— «Мой святый отецъ не завѣщалъ мнѣ *стола* Великокняжескаго.

— «Онъ отдалъ насъ тебѣ, не Святополку; въ твоихъ рукахъ власть всей рати, на тебя надежда святой Руси и Божіе благословеніе....

— «Богъ благословилъ уже Святополка; онъ возсѣлъ на мѣстѣ отца; теперь я только слуга его; не просите у меня того, чего я не долженъ дѣлать, за что не посмѣю дать отвѣтъ Богу»....

«Князь!» заговорили разомъ нѣсколько воеводъ, «всѣ требуютъ тебя; мы всѣ готовы животъ свой за тебя положить; Богомъ и отцемъ твоимъ мы преданы въ твои руки. Всѣ мы вооружены; пойдемъ съ тобой или одни, выгонимъ Святополка изъ города, а тебя введемъ, какъ отецъ твой вдалъ тебя намъ.»

Тяжкіе вздохи волновали Бориса, горячія слезы лились изъ очей его.

— «Не говорите такъ,» началъ онъ «не прогнѣвляйте господина и брата моего Святополка; и ежели вы хотите поднять на себя крамолу, то лучше мнѣ умереть, нежели для себя погубить многихъ. И какая польза, ежели я вступлю въ домъ отца моего? и не только вы, но и весь народъ не измѣнитъ мое помышленіе о державѣ суетнаго міра сего, который скоро преходитъ и хуже паутины? куда пойду по отшествіи изъ сего скорбнаго міра? какой дамъ отвѣтъ? гдѣ сокрою множество золъ, которыя будутъ свидѣтельствовать противъ меня на судѣ Божіемъ? и что пріобрѣли братья отца моего и самъ отецъ мой святый? Гдѣ нынѣ ихъ жизнь, царская держава, слава и красота міра сего, багряница брачная, злато и сребро, вины и меды, и многоцѣнные яствы, быстрые кони и великолѣпныя палаты, и безчисленное богатство? Все минуло съ ними; нѣтъ имъ пользы ни отъ избытковъ, ни отъ славы міра сего (*).

— «На кого хочешь покинуть насъ, милый Князь!» молвилъ, всхлипывая, Янъ Усмошвецъ—«зачѣмъ оставляешь Кіевъ, лелѣявшій твое дѣтство, презираешь нашу къ тебѣ приверженность, умножаешь наше тяжкое горе?

— На милость Божію оставляю васъ, добрые воеводы! любите Святополка, какъ любили нашего отца, любите и Бориса, не забывайте его въ своихъ молитвахъ.

— «На колѣняхъ молимъ тебя, Ангелъ нашъ, не ос-

(*) Степен. Книга.—

тавь насъ сиротами» — сказали разомъ воеводы и упали всѣ на колѣни.

Со слезами палъ на колѣни и Борисъ.

«Молю васъ, друзья мои, — говорилъ онъ— не поднимайте смутъ, не на кликайте на Русь черныхъ дней, не берите на себя грѣха крамолы. Неповинными отдалъ васъ мнѣ отецъ мой, возвратитесь неповинными въ Кіевъ, и оставьте Бориса волѣ Божіей.

Всеобщее рыданіе было отвѣтомъ.

— Богъ вложилъ въ мое сердце помышленіе; не заглушайте во мнѣ святаго голоса; не отнимайте у меня неба...

«Милый Князь, ты покидаешь насъ круглыми сиротами, отнимаешь у насъ отца.....

— Я отнимаю васъ отъ грѣха смертнаго, завѣщаю вамъ покорность Князю, братскую любовь между собою, и молю Бога о вашемъ спасеніи.

— «Да услышитъ Господь твои мольбы, святая душа!» сказалъ престарѣлый воевода, отирая крупныя слезы.

— Прощайте, милые друзья мои, мои доблестные сподвижники! цѣлую васъ братскимъ цѣлованіемъ; отнесите мой привѣтъ Кіеву, помолитесь обо мнѣ во Святыхъ храмахъ, а я буду здѣсь ожидать воли моего господина и Князя.»

Борисъ всталъ и приблизился къ воеводамъ; они, рыдая, простерлись ницъ на землю.

— О братіе, вы не хотите моего сердечнаго цѣлованія!.....

«Хотимъ, не-наглядный Князь, цѣловать твои ноги, слѣды твоихъ ногъ.»

Борисъ со слезами поднималъ съ земли каждаго воеводу, и заключалъ въ свои объятія. Это было разительное зрѣлище, гдѣ слезы и рыданія замѣняли языкъ.

Когда очередь дошла до сѣдовласаго воеводы, онъ повисъ на шеѣ Бориса, и плакалъ навзрыдъ.

— «Прости, добрый Алексѣй» сказалъ плачущій Борисъ «если не здѣсь, то въ другомъ мірѣ мы скоро съ тобою свидимся.»

— «Свидимся, Князь, свидимся,» прорыдалъ старикъ; «послѣ тебя для меня ничего не останется на земли. Давно пали въ кровавыхъ бояхъ, или поглощены могилою товарищи моей юности; я слышалъ твой первый плачь, носилъ тебя на рукахъ своихъ, лелѣялъ милое дитя, и теперь, когда гляжу на тебя, мнѣ здастся, что по Руси проходятъ старые годы, со мною прежніе люди, на небѣ то солнце, которое грѣло нашу молодость, при которомъ мы бились на поляхъ Грецкихъ, Болгарскихъ и Половецкихъ. Теперь не буду видѣть и тебя. Охъ, запоздались на землѣ старыя кости,.....

Ослабѣвшія руки рыдавшаго старца опустились съ плечъ Бориса; но онъ наклонился къ плачущему Князю, и разцѣловалъ его въ лобъ и очи.

Безмолвно рыдалъ Борисъ, безмолвно рыдали предъ нимъ воеводы.

V.

Страшно потерять все, что привязываетъ человѣка къ жизни. Не земнымъ жильцемъ смотритъ онъ на всё, его окружающее. Это могильный камень, остатки человѣка, памятникъ минувшаго, который безчувственно стоитъ въ настоящемъ; предъ нимъ проходитъ толпа людей, громадой несутся событія, но онъ потерялъ для нихъ чувство. Радости жизни непримапчивѣе для него смертной минуты. Струны души сорваны могучимъ полетомъ времени; только тоска о минувшемъ, только безотвѣтное желаніе покол могилы, уныло ударяютъ въ нее, и извлекаютъ печальный, но торжественный гулъ, понятный душѣ въ завѣтныя минуты не земнаго раздумья.

«Чего еще ждать намъ?» взывалъ сѣдовласый воевода къ Кіевскому ополченію, оставившему Бориса его судьбѣ и волѣ Божіей;» куда и за чемъ итти?

— Куда, какъ не въ Кіевъ? отвѣчали ему воеводы.

— «Въ Кіевъ, въ Кіевъ! — повторилъ старецъ. — Что теперь въ Кіевѣ? отрадно ли будетъ сердцу видѣть Свято-

полка вмѣсто Владиміра? И кто знаетъ, что еще увидимъ мы? Нѣтъ, товарищи, ваше все въ передн, а мнѣ уже не для чего маяться промежъ людей, пора снаряжаться старику въ дальній путь-дорогу. Пожилъ въ доволь въ сустѣ, пора подумать и о смерти.

Онъ поворотилъ коня, выѣхалъ изъ средины дружины, и сошелъ на землю.

— Что ты, воевода? вопрошали его товарищи.

— Ничего, други мои, но я уже вамъ не товарищъ.

Мгновенно отдѣлился отъ ополченія юноша, и приблизился къ старцу.

— Приди, внукъ, принять мое послѣднее благословеніе.

Юноша зарыдалъ, и палъ къ нему на грудь.

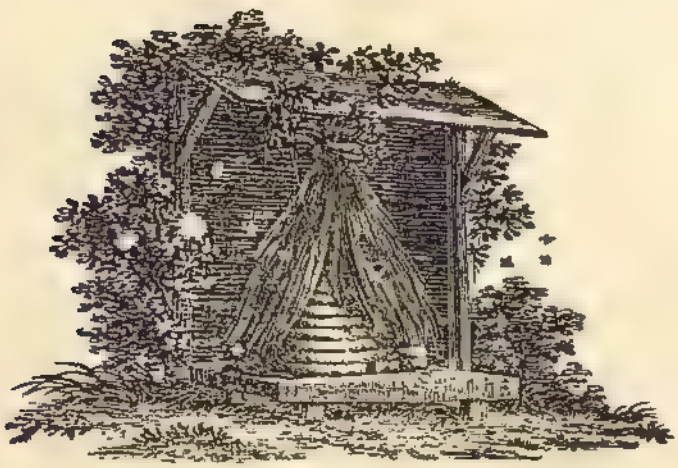
Старикъ цѣловалъ внука, и обливалъ его слезами.

— «Прими, Юрій, мое благословеніе, говорилъ онъ,— мнѣ давно пора исполнить давній обѣтъ. Въ обители святыхъ иноковъ невѣдомый старецъ будетъ молить о тебѣ Господа. Служи Князю и родной землѣ; помни заповѣди Господни и молися на могилѣ матери. Тебѣ мой добрый конь, булатный мечь и вѣрное копье, мои неизмѣнные товарищи въ бояхъ. Рази враговъ, бейся за родину не на животъ, на смерть. Коли Богъ пощадитъ дни твои,— тебѣ не будетъ упрека отъ добрыхъ людей; коли положишь животъ свой,— вѣнецъ мученическій, павшимъ на брани!»

Печально было прощаніе старца съ ратными товари-

щами; не притворныя слезы лилися изъ очей; сильно бились сердца въ тревогѣ чувствъ.

Рать потянулась къ Кіеву; сѣдовласый воевода скрылся въ лѣсу, чтобъ не оставить по себѣ слѣдовъ.



VI.

Вечерня отошла въ Десятинной церкви. Изъ толпы народа дядя Терентьичъ пробирался къ Андреевской горѣ, за нимъ кучка прежнихъ его слушателей.

Сѣлъ дядя Терентьичъ на прежнее мѣсто, усѣлись вокругъ его племяшники и внуки тихо, и никто не молвилъ словечка.

Снялъ шапку дядя Терентьичъ, и положилъ на себя крестное знаменіе. «Помолились мы, — началъ онъ, — дѣтушки, Господу Богу, и теперь съ его помощію вспомянемъ про быль былую, про времена давно прошедшія.

«Кончилъ я тѣмъ, что Святополкъ обдарилъ Кіевлянъ. Кто былъ глупъ, тотъ радовался; кто понималъ дѣло, тому пала на сердце кручина.

«Томила Святополка любовь народа къ Борису, напустилъ сатана ненависть въ его душу. Чуденъ сталъ свѣтъ, умножились на землѣ беззаконія. Вызывай людей на дѣла добрыя, охотниковъ со свѣчею днемъ не найдешь; а задумай ересь и зло отъ явленное, да кинь на міръ шапкой,—какъ черные вороны тотчасъ сберутся грѣховодники. Задумалъ Святополкъ черную, безбожную думу—какъ бы извести Бориса;—и мигомъ явился къ нему четыре

нечестивца: Путша, Талецъ, Еловичъ и Ляшко. Чуяло сердце Бориса невзгоду, пошелъ онъ къ Кіеву и остановился на Альтѣ, гдѣ получилъ вѣсть о смерти родителя. Плакало и молило его войско итти княжить въ Кіевъ; незлобивый Борисъ не хотѣлъ проливать кровь своей дружины; онъ зналъ, что уже княжилъ тутъ Святополкъ, и ждалъ отъ него вѣсти, а войско пошло своимъ путемъ дорогою въ Кіевъ.

«Послалъ Борисъ къ Святополку отрока, и, не дождавшись его возврата, отправился самъ въ Кіевъ; но клевреты Святополка уже несли ему смерть.

«Будто чуялъ праведный Борисъ близкую кончину, остановился и сталъ готовиться предстать предъ престолъ Вышняго. Не о землѣ уже думалъ онъ—всѣ царства земныя не имѣли для него цѣны; въ святой молитвѣ изливалъ сердце свое Богу, святыми слезами кропилъ родную землю.

«Кто знаетъ, что срѣтитъ насъ за гробомъ? Кто неужаснется, когда подумаетъ, что могила раздѣляетъ насъ со всѣмъ, что было къ намъ близко, что за нею начинается другая жизнь, для насъ теперь невѣдомая, въ которую не прозираютъ смертныя очи! а праведники Божіи не знаютъ страха смерти: живутъ ли — Господеви живутъ, умираютъ ли — Господеви умираютъ; для насъ грѣшныхъ за могилою все невѣдомо, для праведныхъ —тамъ все родное, и въ тму смертную прозираетъ ихъ святое око.

«Отроки увидѣли убійцъ, видѣли ихъ смертное оружіе, слышали ихъ сговоръ, и донесли Князю. Святый не

почуялъ въ сердцѣ тревоги; только торжественнѣй сталъ его взоръ, только вдохновеннѣй стала его молитва.

«Уже злодѣи приблизились къ шатру, и дивомъ опустились у нихъ руки съ смертнымъ оружіемъ; они ждали, чтобъ смолкли молящіяся уста; тогда нечестивцы смѣлѣе свершили бъ злодѣйство. Но духъ тмы поселился въ душахъ ихъ, и, какъ левъ пустынный, алкалъ добычи.

«Злодѣи вломились въ шатёръ; князь не прерывалъ молитвы; смертныя копья убійцы устремили на князя; вѣрный отрокъ Георгій своею грудью загородилъ отъ убійцъ любимаго князя; богоотступники не устыдились его вѣрности, и Георгій палъ пронзенный. Убійственныя копья поразили и незлобиваго князя. Ни взоромъ не укорилъ Борисъ своихъ убійцъ, только молился, — и Отецъ небесный слышалъ его мольбы; Борисъ плакалъ,—и Ангелы Божіи собирали его слезы, какъ бисеръ многоцѣнный.

«Палъ князь обагренный кровію, у ногъ его была голова Георгіева. Всѣ прислужники князя плавали въ кругъ его въ крови; а гонецъ спѣшилъ къ Святополу съ вождѣленною для него вѣстію.

«Злополучный Князь еще дышалъ;—изъ шатра изорваннаго сдѣлали покрывало сыну Великаго Владиміра, положили его *на кола* (*), и повезли къ Вышгороду.

Страшно подумать, дѣтушки, что Святый томился смертію, а вокругъ него радостно шли его убійцы съ

(*) На телѣгу.

копьями, еще дымившимися Святою кровію. И еще не въ конецъ совершилась злоба Святополка: отъ него летѣли два Варяга удостовѣриться, точно ли погибъ Борисъ. Изъ запекшихся устъ его прорывался предсмертный стонъ, и нечестивая рука Варяга пробила ножемъ незлобивое сердце.

«Скончался Борисъ, но не скончалась тревога Святополка, и другой братъ—Глѣбъ отдалъ Богу душу подъ ножемъ убійцы.

«То было давно, и расказываешь, какъ дѣло обычное; а сердце замерло бы, если бъ сами своими очами посмотрѣли на юнаго князя, добраго, всѣми любимаго, утратившаго жизнь среди мукъ, и не на княжескомъ столѣ почивающаго, не багряницей повитаго, а на презрѣнной телѣгѣ прикрытаго рубищемъ шатра; Князя, изнывающаго смертною жаждой, изъязвленнаго копьями, молящагося о скорѣйшей кончинѣ, да прекратятся страданія; а вокругъ него злодѣи, совершившіе кровавое дѣло, какъ бы нѣкое торжество. Къ кому обратитъ слово умирающій, на комъ остановитъ потухающій взоръ? Ни одного близкаго къ сердцу, ни въ одномъ взорѣ участія. О, тяжко, тяжко такъ страдать, такъ умирать человѣку! Но гдѣ оскудѣвала помощь человѣческая, тамъ не отступно пребывала помощь Божія. Ангелы Господни съ честію приняли души праведныя.

«Пали два сына святаго Владиміра; память ихъ чествуетъ Святая Церковь, благословляютъ потомки, къ нимъ возносятъ свои мольбы, у нихъ просятъ заступничества предъ престоломъ Божіимъ.

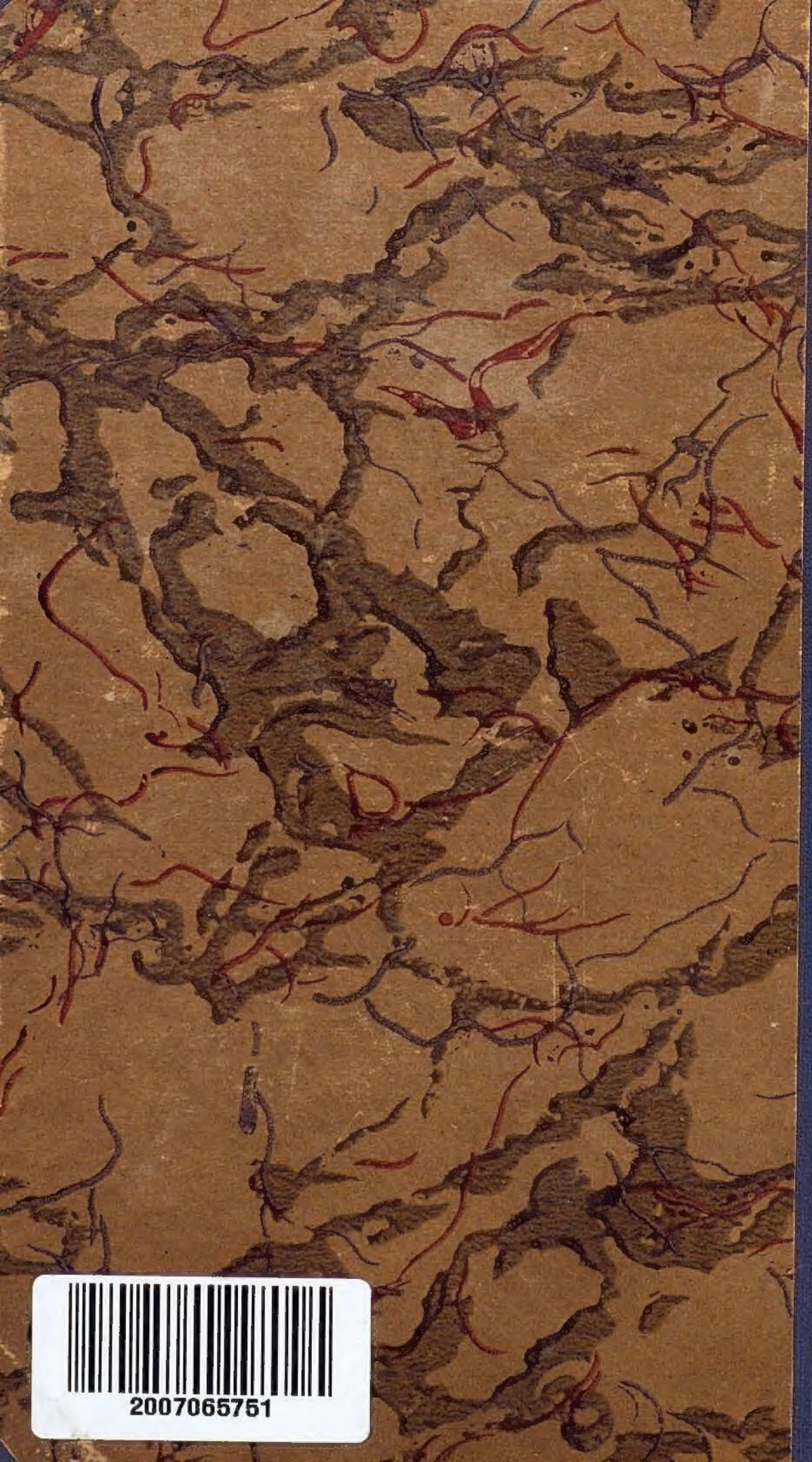
«А братоубійца Святополкъ не долго величался на

престолѣ, пріобрѣтенномъ братнею кровію, — и ужасная смерть ждала его въ горахъ Чешскихъ. Въ кровавой сѣчѣ одолѣлъ мститель братней смерти Ярославъ, а «Святополкъ побѣже. И бѣжащу ему, нападе нань бѣсъ, и разслабѣша кости его и не можаше сидѣти, и носяхуть ѝ въ носилѣхъ, и принесоша ѝ къ Берестью, бѣгающе съ нимъ. Онъ же глаголаше:» побѣгните со мною, женутъ по насъ. «Отроцы же слаху за ся, егда кто женетъ по немъ, и не бѣ никогоже въ слѣдъ гонящаго, и бѣжаху съ нимъ. Онъ же въ немощи лежа, и всхапився глаголаше «о се женутъ, женутъ! побѣгните!» и не можаше терпѣти на единомъ мѣстѣ, и пробѣже Ляцкую землю, гонимъ Божьимъ гнѣвомъ, и прибѣже въ пустыню межи Ляхи: и Чехи, и испроверже животъ свой въ томъ мѣстѣ злѣ.» (*)

Таковъ былъ разсказъ старца о старинѣ Кіевской, такова память о смерти князей Бориса и Глѣба!

Съ той поры много бѣдъ тяготило Русь; невѣрный Татаринъ и буйный Ляхъ, воинственный Шведъ и двадсеять кичливыхъ языкъ проносились по ней, какъ кара небесная. Много выстрадала наша отчизна милая, но страданіями искупила свои грѣхи, и Господь даровалъ ей дни красные, счастье долголѣтнее.

(*) Несторь по Кенигсб. стр. 100 и 101.



2007065751